

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СИТУАЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Постмодернистская ситуация рассматривается как новый гносеологический феномен в современной науке. Выделены и проанализированы основные характеристики постмодернистской ситуации в контексте проблемы научной рациональности, изменения её идеалов и критериев. Обосновывается тезис о либерализации критериев научной рациональности.

В числе эпистемологических особенностей современного научно-теоретического знания чаще других называют междисциплинарность; рост влияния интегративных процессов в науке; развитие и эффективное использование нелинейных способов описания; широкую экспансию в различные научные дисциплины компьютерного моделирования и синергетического подхода; рост "удельного веса" теоретического в научно-исследовательской деятельности и др. Среди них есть и такие, которые нередко интерпретируются как приводящие к возникновению постмодернистской ситуации в науке. Такая ситуация нередко трактуется как свидетельствующая об утрате наукой ряда своих имманентных характеристик, к числу которых причисляется и рациональность. Так ли это на самом деле? Действительно ли рациональность устарела (как полагают постмодернисты), становится излишней в науке, а ее нормы и критерии сдерживают свободу научного творчества? Последующее изложение – попытка ответить на эти вопросы.

Как известно, становление постмодернизма связано с рефлексией не столько над наукой, сколько над искусством и литературой. Так, одна из первых публикаций программного характера появилась в 1969 году на страницах журнала "Плейбой". Это на шумевшая статья Л. Фидлера под симптоматичным заглавием "Пересекайте границы, засыпайте рвы". В ней, в частности, современное искусство противопоставляется искусству эпохи Модерна, пребывающему, как полагает Фидлер, в глубоком кризисе. Однако обнаруженные постмодернизмом "болевы́е точки" современной культуры в определённой мере имеют отношение и к науке.

Постмодернизм как рефлексия над революционными изменениями в культуре и науке, как переоценка ценностей, ранее считавшихся чуть ли не каноническими¹, порою в своей критике прошлого доходит даже до радикализма нигилистического толка. Так, когда постмодернизм критически оценивает состояние современной науки, то состояние это, как провоцирующее постмодернистскую ситуацию, обычно противопоставляется состоянию и особенностям классической науки, олицетворяющей эпоху Модерна. Последнюю во второй половине XX века сменяет эпоха Постмодерна. Только не совсем ясно, как быть со второй научной революцией на рубеже XIX – XX веков, приведшей к становлению неклассической науки.

Критичность постмодернизма в адрес современной науки бывает подчас настолько радикальной, что переходит в нигилизм антисциентистского толка. Ибо сам постмодернизм в большинстве версий своей критикой классической рациональности и стиля мышления эпохи Нового времени действительно несет с собой достаточно отчетливую антисциентистскую ориентацию, которая влияет и на оценки современных новаций в научном познании. В этом плане некоторые авторы вполне справедливо выражают сомнение в правомерности завышенных претензий той части общественности, которая, как подчеркивает современный американский науковед, "готова возложить ответственность на ученых и инженеров за все кошмарные последствия их труда, какими бы косвенными они ни были" [29].

Постмодернистский антисциентизм нередко приобретает действительно радикальные формы. Рационалистскому оптимизму эпохи Модерна противопоставляется не скептицизм, а пессимизм; резко критикуется преступное, с точки зрения постмодернизма, расточительство и эгоизм современной цивилизации. Все более распространяется (особенно к концу XX века и тысячелетия) так называемая "идеология концов", демонстрирующая скепсис в отношении новаций, провозглашая тезис: "Все уже было".

Отметим, что критичность постмодернизма затрагивает как культурные традиции (нередко вообще отвергая их значимость), так и традиционные онтологические и методологические установки науки, выступая вслед за П.Фейерабендом вообще против "методологического принуждения" и отстаивая приоритет неограниченной свободной деятельности.

В этом плане постмодернизм отвергает жесткости традиционного детерминизма и логоцентризма, провозглашая конец любой абсолютности и других канонов науки, сформировавшихся в эпоху Модерна. Действи-

---

¹ Среди отечественных публикаций последних лет, посвященных этой тематике, отметим работы А. Генеса, В. Курицына, В.С. Лукьянца, О.М. Соболя, И.З. Цехмистро, М.Н. Эпштейна и др. [3; 9; 11; 20; 24; 28]. См. также сборники [12; 13; 14].

тельно, антисциентизм постмодернизма вырос на почве резкой критики канонов и принципов науки Нового времени (критика механицизма, классической рациональности, классического детерминизма и т.п.).

Однако этот критицизм действительно бывает слишком радикальным и не всегда учитывает подлинных реалий и новаций развивающейся науки. Например, это касается упреков постмодернистов в адрес современной науки, якобы страдающей от механицизма и прочих грехов науки эпохи Модерна. Хотя на самом деле уже неклассическая наука начала XX века (прежде всего квантовая физика) расширила традиционный детерминизм и во многом преодолела механицизм. Тем не менее, постмодернизм стремится ориентировать нас на более трезвое и критичное осознание возможностей и пределов науки.

Действительно, сейчас наука (и научное познание) все чаще сталкиваются с необходимостью осознания своих границ и своих возможностей. В частности, это связано с необходимостью пересмотра традиционного понимания закона природы. Ранее его предсказательные возможности не подвергались сомнению; теперь же мы все чаще вынуждены учитывать наличие пределов предсказуемости (см. об этом ниже).

Следует однако заметить, что, во-первых, проблематика возможностей и пределов науки обсуждалась в философии науки и до постмодернизма (хотя, может быть, не в столь острой форме) и, во-вторых, проблему границ науки ставили и обсуждали сами ученые (например, такие физики, как Р. Фейнман, В.С. Барашенков, А.С. Компанеец и др.[1]).

Ранее автором была предпринята попытка экспликации постмодернистской ситуации [17]. Здесь достаточно привести несколько более укороченный вариант этой экспликации, отметив лишь наиболее фундаментальные признаки постмодернистской ситуации. К последним, на наш взгляд, следует отнести: 1) тотальную деабсолютизацию; 2) антимаркционизм; 3) иное, нетрадиционное отношение к реальности, доходящее до так называемого "семиотического солипсизма"; 4) приоритет многообразия в познавательной деятельности над единством.

В философии науки понятие постмодернистской ситуации и связанные с ней понятия можно использовать прежде всего для того, чтобы осмыслить те новые (многие считают их революционными) сдвиги в научном познании, которые связаны с освоением таких реалий, как феномен нелинейности, с успехами квантовой теории поля, синергетики, квантовой космологии и др. Однако при этом по-разному оцениваются эпистемологические особенности постмодернистской ситуации, их влияние на стиль мышления в науке. По-разному оцениваются и перспективы научного знания, сдвиги в котором понимаются теперь не только как "новая волна", но и как движение к "новой парадигме", переход от классической науки к новым видам знания (отличающимся даже от неклассической науки) и даже как тенденция к историческому исчерпанию ("смерти"?) науки. Отсюда возникает проблема **адекватной** (по возможности **рациональной**) **оценки** постмодернистской ситуации.

Когда мы проводим философскую рефлексию над постмодернистской ситуацией и пытаемся дать им рациональную оценку, может возникнуть вопрос: какое влияние постмодернистские ситуации своими особенностями могут оказать (и нередко оказывают) на стиль мышления и, в частности, на стиль научного мышления?

Отметим, по крайней мере, две такие особенности, наиболее важные в эпистемологическом плане. **Первая** связана с заметно возросшей степенью неоднозначности, и даже **неопределенности**, захватывающей многочисленные сферы бытия – повседневную жизнь, культуру, социум и даже науку. Вообще говоря, **феномен неопределенности** многогранен, включает в себя и упоминавшийся эффект "размывания" границ в самом широком смысле этого слова – границ научных дисциплин (предметная неопределенность научного знания), художественных жанров, способов мышления и т.п. Но нас здесь интересует главным образом эпистемологическая неопределенность. Если иметь в виду научную деятельность, то эффект "размывания" (неопределенности) также допустимо рассматривать и как одно из следствий отмеченной выше тенденции роста "удельного веса" теоретического в науке.

Эта тенденция также связана с увеличением арсенала теоретических объектов в распоряжении теоретиков, с возможностью "конструирования реальности" с помощью новых математических и компьютерных средств, а также – часто как следствие предыдущего – с трудностями верификации (или эмпирического обоснования) строящихся теоретических систем.

Здесь надо указать также и на то, что появляются все новые примеры эвристической роли математического аппарата современной физической теории. Примером здесь может служить введение в квантовую теорию поля необычного идеального объекта – так называемого поля Хиггса. Хотя кванты скалярного поля Хиггса не обнаружены, однако гипотеза об их существовании позволила предсказать существование и массу обнаруженных впоследствии прямым экспериментом новых частиц – квантов электрослабого взаимодействия, так называемых промежуточных векторных бозонов.

Всё это действительно тесно переплетается с отмеченной выше тенденцией к росту "удельного веса" теоретического в научном исследовании и может сопровождаться такими гносеологическими феноменами, как своеобразная "экспериментальная невесомость", что принуждает к новому переосмыслению физической реальности, трактовки ее природы и критериев, и в особенности, в связи с "переоценкой роли косвенных измерений"² или

---

² В частности, речь идет о необходимости учета корреляционных эффектов (в том числе типа тех эффектов, о которых идет речь в знаменитом парадоксе Эйнштейн-Подольского-Розена). К этому можно добавить современное рас-

наблюдений в качестве критериев достоверности или хотя бы значимости теоретического знания" [4:101] (см. также [5]). Отметим, что в этом же плане рассуждал еще А. Эйнштейн, считавший, что эволюция физики идет "в направлении все увеличивающейся простоты логических основ", хотя при этом последние "все больше и больше удаляются от опыта" [27].

Кроме того, в современной культуре (а порою и в самой науке) нередки случаи неадекватной трактовки научных результатов, получаемых "на выходе" достаточно длинных цепей абстракций и обобщений. Например, формирующиеся усилиями школ Г. Хакена и И. Пригожина синергетическая парадигма и парадигма неустойчивости трактуются порою слишком расширительно, что приводит некоторых авторов, например, к утверждению об утрате наукой предсказательной функции в качестве определяющей сути науки. Речь идет о расширительном толковании поведения объекта в зоне бифуркации; это поведение – хаотическое и потому, как считают эти авторы, является абсолютно непредсказуемым. Такое категоричное утверждение представляется по меньшей мере поспешным, а по отношению к науке в целом – просто неверным. На некорректность такого толкования указывал, например, известный математик С.П. Курдюмов [8]. В этом случае корректнее говорить о **локальной непредсказуемости**. Действительно, непредсказуемо поведение объекта в зоне бифуркации, тогда как общая целостная картина его динамики, в том числе так называемый "выход на аттрактор" – все это вполне предсказуемо, причем достаточно эксплицитно.

Тем самым, мы сталкиваемся здесь с некоторой либерализацией, с ослаблением требований к научным способам описания – в частности, с отказом от **глобальной предсказуемости** репрезентируемых феноменов. Дело в том, что, начиная с эпохи Нового времени, со времени формирования принципов классической науки (лапласовский детерминизм, соответствующие нормы и идеалы научного познания и адекватные им критерии рациональности), предсказательная функция науки рассматривается как одна из главных и существенных. Лапласовский вездесущий Ум, при наличии необходимых начальных условий, не имеет, вообще говоря, ограничений своим предсказательным возможностям. Такое убеждение сохранилось в науке (в физике в том числе) вплоть до середины XX века. Как пишет один из современных физиков, "лояльное отношение физиков к возможности прогнозирования макроскопических систем существенно изменилось лишь после того, как были обнаружены явления типа динамического хаоса" [7:6], т.е. после успехов новой междисциплинарной (и даже общенаучной) отрасли – теории динамических систем. Глубокие исследования в этой и смежной с ней областях привели науку к осознанию того факта, что во многих (если не в большинстве) ситуациях существуют принципиальные **пределы предсказуемости** поведения в них динамических систем (не случайно так был назван и недавно вышедший сборник по этим проблемам [15]). "В динамических системах, обнаруживающих хаотическое поведение, – продолжает тот же автор, – микроскопически малые возмущения весьма быстро, по экспоненциальному закону, достигают макроскопических значений и тем самым лишают нас возможности предсказывать поведение многих динамических систем даже на относительно малых промежутках времени. Исследования хаотических систем привели, в конце концов, к существенному пересмотру всей классической концепции предсказуемости" [7:6].

Здесь мы сталкиваемся еще с одним признаком постмодернистской ситуации, который связан с **иным отношением к реальности**. Раньше реальным рассматривалось то, что предсказуемо, а сейчас описываются (причем достаточно эксплицитно) и такие ситуации, в которых существует предел предсказуемости. Такую постмодернистскую ситуацию можно интерпретировать и как иное отношение к детерминизму, и как изменение (то есть либерализацию) традиционной точки зрения на рациональность.

Тем самым требование глобальной предсказуемости в научном описании динамики объекта имеет смысл ослабить, "смягчить" в пользу признания теперь естественности, реалистичности ситуаций **локальной непредсказуемости**, о чем шла речь выше. Термин "локальный" мы вводим для того, чтобы смягчить и приблизить к новой реальности те часто поспешные истолкования нетрадиционной ситуации в научном познании, которые (истолкования) вслед за успехами нелинейной динамики и неравновесной термодинамики открытых систем ведут к отрицанию за наукой в качестве необходимой предсказательной функции, о чем уже отмечалось ранее и приводилась критическая позиция С.П. Курдюмова. Эти поспешные и категоричные истолкования во многом коррелируют с современными версиями антисциентизма вообще и постмодернизма в частности.

Отметим также, что отстаиваемый радикальными постмодернистами тезис об утрате современной наукой предсказательной функции вместе с тезисом об утрате определенности в науке и культуре вполне могут открыть дорогу иррациональному в науке, оправдывая его наличие наряду с рациональным. В этой связи приведем любопытное свидетельство известного физика С.П. Капицы: "Спор между рациональным умом, который может быть не прав в своих конкретных выводах и решениях, и эмоциональным, часто иррациональным подходом, в принципе неверном, но указывающим тем не менее на верное направление, – явление достаточно частое и в жизни, и в науке" [6]. В науке такой спор важен именно в процессе научного поиска (например, при физико-теоретическом моделировании), на той стадии его развития, которую в методологии именуют "контекстом открытия" (в отличие от "контекста принятия" или иначе – "контекста оправдания"). Когда же мы имеем дело с

смотрение нашей Вселенной в качестве своеобразного природного ускорителя сверхвысоких энергий, достаточных для проверки на опыте единых теорий всех фундаментальных взаимодействий (так называемых "теорий Всего") [10; 23].

полученным, "устоявшимся" знанием, например, с эффективно работающей научной теорией, то спору в такой ситуации (т.е. при функционировании "ставшего" знания, или знания в "контексте принятия") почти не остается места – акцент переносится на **научную рациональность**, хотя и с возможными изменениями ее идеалов и критериев.

Вторая особенность постмодернистской ситуации, имеющая более заметную (чем в первом случае) эпистемологическую составляющую, как раз и связана с кризисом **рациональности** (или по крайней мере резкой критикой традиционных ее идеалов и критериев), который наметился к началу XX в. и приобрел затем более выпуклые черты, особенно в период "бума" постмодернистской критики науки (и Разума вообще). Последняя, как мы уже отмечали, выступала часто как критика логоцентризма.

Хотя логоцентризм, вообще говоря, в науке приемлем (или даже необходим на теоретической стадии ее развития), в культуре же (и в философии) такая позиция может оцениваться по-другому. "И в безумии есть своя логика", – писал один мыслитель. По-видимому, эту фразу можно истолковать пусть и не как доказательство рациональности иррационального, но как констатацию существования рациональных моментов в нем.

Тем не менее постмодернистскую ситуацию, связанную с кризисом традиционного понимания рациональности, вовсе необязательно оценивать как тотальный кризис, как необходимость отказа от рациональности как неотъемлемого компонента научной деятельности или даже допустимость попыток рационалистского "обоснования" иррациональности [18; 25].

В данной статье мы исходим из того, что считаем рациональность необходимой и существенной (наряду с другими) чертой науки вообще и научной деятельности в особенности, а в контексте постмодернистской ситуации следует говорить не об отказе от рациональности вообще, а о **либерализации критериев рациональности**. Либерализацию здесь мы трактуем как выход за пределы прежнего (ранее считавшегося каноническим, например, в теоретическом естествознании) требования обязательной **эмпирической обоснованности** (эмпирической верифицированности) построенной теоретической модели для того, чтобы признать ее, например, физической (если она строится для решения какой-либо задачи теоретической физики) или даже научной. Можно сказать и несколько по-другому: для научной рациональности обоснованность – необходимая ее черта, но не обязательно обоснованность должна быть исключительно эмпирической.

В этой связи напомним, что в свое время И. Лакатос, анализируя особенности современного научного знания и познания, указывал на важность выделения (и оценки значимости) так называемой "метафизики научных теорий", т.е. положений, стоящих как бы над эмпирической проверкой, но **направляющих** научный поиск. Современный физик-теоретик в процессе оправдания своих высоко абстрактных моделей часто руководствуется не столько традиционными жесткими и эмпирически обоснованными методологическими принципами (например, принципами наблюдаемости, симметрии, соответствия и др.), сколько более либеральными, более "мягкими" регулятивами и критериями, такими как: простота, когерентность, логическая совместимость, семантическая согласованность, красота и др. Примером здесь может послужить известный регулятив А. Эйнштейна – требование "внутреннего совершенства теории", которое дополняет другое его требование – требование "внешнего оправдания теории". В наше время, особенно по мере роста "удельного веса" теоретического в научном исследовании, требование "внутреннего совершенства" находится все чаще в приоритете по сравнению с другими требованиями. Еще одним примером в этом плане могут служить эстетические критерии П. Дирака приемлемости фундаментальных уравнений физической теории [2; 26; 16: 91-98].

Такая, более либеральная позиция (в смысле расширения "познавательного горизонта" теоретика, расширения возможностей оправдания приемлемости строящихся теоретических моделей в качестве научных) находит свое заметное воплощение в целом ряде новых способов описания. Ярким примером здесь может служить так называемый теоретико-инвариантный подход к построению и оправданию высоко абстрактных теоретических моделей, а также тесно связанный с ним тезис Эйнштейна – Дирака [16:84-85,190]. Этот тезис предусматривает следующий методологический регулятив: строить новую физическую теорию (или "мягче": теоретическую модель), исходя из как можно более широкой группы симметрий. Представления этой группы позволяют получить уравнения движения, описывающие соответствующие физические объекты. Такой методологической установке следовали многие выдающиеся современные физики-теоретики, например, В. Гейзенберг, Д. Уиллер, С. Вайнберг и др.

Тем самым не следует абсолютизировать (как это нередко имело место в неопозитивистской философии науки) статус принципа верификации, так как теперь в процессе теоретизирования все чаще оказывается приемлемой не эмпирическая обоснованность, а более либеральные регулятивы – например, требование **семантической согласованности**. В теоретико-физическом познании этот регулятив наиболее отчетливо проявляет себя при обсуждении возможностей применимости абстрактных теоретических систем, а также при обсуждении соотношения фундаментальной теории и ее моделей [16:246]. Семантическая согласованность фундаментальной физической теории и ее теоретических моделей говорит о том, что такая теория функционирует эффективно, хотя и не является в достаточной мере эмпирически обоснованной. Под эффективностью здесь имеется в виду не непосредственная практическая применимость теории, скажем, в смысле предсказуемости эмпирических фактов, а ее способность порождать новые осмысленные теоретические модели, "вписываемые" в теоретический контекст рассматриваемой предметной области. Приемлемость физической теории (например, в квантовой космологии) теперь определяют не только (или порою: не столько) узко прагматические и феноменологические установки относительно соответствия эмпирии предсказательной силе и эффективности, но также установки семантические и даже аксиологические. Современные теоретические модели в физике элементарных частиц могут теперь и не иметь экспериментального обоснования, но тогда они должны "проходить тест на "космоло-

гическую полноценность"" [4; 23], т.е. должны быть вписаны в соответствующий теоретико-космологический контекст.

Можно говорить о либерализации традиционных критериев рациональности и несколько другого типа – о рассмотренном выше ослаблении позиций классического детерминизма, и в частности, о некотором ослаблении требования к научным способам описания – отказ от установки на **глобальную предсказуемость** репрезентируемых феноменов.

Трактовки постмодернистами научной рациональности, как и в случае детерминизма, часто не учитывают **историчности** этих концепций³, при этом новые достижения в науке оцениваются с позиций старых концепций детерминизма и рациональности эпохи Модерна, которые во многом уже преодолены самой наукой, в частности, в ходе научной революции на рубеже XIX – XX веков, которую – в особенности ее эпистемологические и методологические последствия – постмодернизм не всегда явно учитывает либо игнорирует вовсе.

Кроме того, к либерализации критериев рациональности относятся и те изменения, которые произошли в понимании соотношения **простоты, сложности и предсказуемости**. Классическая наука предполагает, что простота и предсказуемость вполне совместимы в рамках механистической картины мира и лапласовского детерминизма. Однако на современном этапе, как отмечалось выше, формируется концепция локальной непредсказуемости, вырастающая из опыта применения нелинейных моделей в неравновесной термодинамике, синергетике, современной теории динамических систем и др. Например, предсказуемость в современных ситуациях (то есть в поведении больших сложных систем, скажем, в нелинейных средах) существенно зависит от степени хаотичности [21].

Опыт обобщающих исследований показывает, что сложны те формы бытия, которые мало предсказуемы, плохо предсказуемы, либо – тем более сложны – те, которые вообще непредсказуемы.

В заключение подчеркнем, что рефлексия над постмодернистской ситуацией позволила нам выделить, по крайней мере, две ее эпистемологические особенности. Проведенный их анализ указывает не на крах рациональности, а скорее на либерализацию ее критериев.

*****

1. Барашенков В.С. Существуют ли границы науки? – М.: Мысль, 1982. – 208 с.
2. Визгин В.П. Дирак о взаимосвязи физики и математики // Поль Дирак и физика XX века. – М.: Наука, 1990. – С. 95-112.
3. Генес А. Треугольник (авангард, соцреализм, постмодернизм) // Иностранная литература. – 1994. – № 10.
4. Жданов Г.Б. О физической реальности и экспериментальной "невесомости" // Вопросы философии. – 1998. – №2. – С. 103.
5. Жданов Г.Б. Объективна ли физическая реальность? // Философия науки. – Вып.4. – М., 1998. – С.125-133.
6. Капица С.П. Антинаучные тенденции в Советском Союзе // В мире науки. – 1991. – № 10. – С. 12.
7. Кравцов Ю.А. Предисловие // Пределы предсказуемости. – М.: ЦентрКом, 1997. – С. 6-10.

³ Дело в том, что отмеченная историчность научной рациональности уже осознавалась в теоретическом естествознании начала XX века. Так, очерчивая новую эпистемологическую ситуацию в XX веке (в том числе в отношении классической рациональности), С. Тулмин писал: "К этому времени факты истории и антропологии вбили клин между сократовской проблемой и ее платоновским решением. Рациональная потребность в беспристрастной точке зрения остается настоящей и законной. Выбор все еще остается выбором между применением превосходящей силы и уважением к нелицеприятной дискуссии, между авторитарным навязыванием мнений и внутренним авторитетом хорошо обоснованных аргументов. Но мы больше не можем позволить себе допустить, чтобы наши рациональные процедуры, хотя бы и беспристрастные, находили свои гарантии в неизменных принципах, обязательных для всех, кто рационально мыслит, а тем более в какой-либо единственно достоверной системе естественной и моральной философии" [22: 66-67].

8. Курдюмов С.П. Интервью // Вопросы философии. – 1991. – № 6.
9. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000. – 288 с.
10. Линде А. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. – М.: Наука, 1990.
11. Лук'янець В.С., Соболев О.М. Філософський постмодерн. – К.: Абрис, 1998. – 351 с.
12. Постмодерн: Переоцінка цінностей. – Вінниця: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 2001. – 314 с.
13. Постмодернізм в філософії науки та філософії культури. Вісник Харківського державного університету. – 1997. – № 389. – 144 с.
14. Постмодернізм у філософії, науці та культурі. Вісник Харківського державного університету. – 2000. – № 464. – 296 с.
15. Пределы предсказуемости. – М.: ЦентрКом, 1997. – 256 с.
16. Ратников В.С. Физико-теоретическое моделирование: основания, развитие, рациональность. – К.: Наукова думка, 1995. – 292 с.
17. Ратников В.С. Понятие постмодернистской ситуации и ее эпистемологические особенности // Постмодерн: Переоцінка цінностей. – Вінниця: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 2001. – С. 67-87.
18. Рациональность иррационального. – Екатеринбург: СГУ, 1991. – 165 с.
19. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд. Новосиб. ун.-та, 1997. – 320 с.
20. Соболев О.М. Постмодерн і майбутнє філософії. – К.: Наукова думка, 1997. – 141 с.
21. Татарский В.И. О критериях степени хаотичности // Успехи физических наук. – 1989. – Т. 158. – № 1. – С.123-126.
22. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
23. Хлопов М.Ю. Вселенная – гигантский ускоритель. – М.: Знание, 1987. – 64 с.
24. Цехмістро І.З. Постмодерн і реляційний холізм в сучасній філософії науки // Постмодернізм в філософії науки та філософії культури. Вісник Харківського державного університету. – 1997. – № 389. – С.6-20.
25. Цехмістро І.З. Ірраціональність як підстава раціональності // Філософ. думка. – 1998. – № 4-6.
26. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – Т.4. – М.: Наука, 1966. – С.266–267.
27. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965. – С.59.
28. Эпштейн М.Н. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. – 1998. – №№ 11,12.
29. Seighart P. Science, technology and social responsibility // Roy. Soc. Arts. – 1983. – vol.131. – № 5325. – P. 536.

Матеріал надійшов до редакції 9.09.03 р.

Ратников В.С. Постмодерністська ситуація і оновлення критеріїв наукової раціональності.

Постмодерністська ситуація розглядається як новий гносеологічний феномен у сучасній науці. Виділені і проаналізовані основні характеристики постмодерністської ситуації у контексті проблеми наукової раціональності, зміни її ідеалів і критеріїв. Обґрунтовується теза про лібералізацію критеріїв наукової раціональності.

Ratnikov V.S. The postmodernistic situation and renewal of the criteria of scientific rationality.

The postmodernistic situation is considered as a new gnosiological phenomenon in the modern science. The basic characteristics of the postmodernistic situation, changes of its idea and criteria are distinguished and analyzed in the context of the problem of scientific rationality. This item also substantiates. The thesis about liberalization of criteria of scientific rationality.